

Моек. Новосты. - 1994. - 25 дек. - С. 19

Меня нет дома на Земле

ПЕРСОНАЛИИ

Времена, когда имя Альфреда Шнитке нуждалось в оговорках, сменились полным и повсеместным признанием, увенчавшись — по случаю 60-летия композитора — настоящим газетным бумом. Но даже на этом фоне недавно вышедший сборник музыковеда Александра Ивашкина «Беседы с Альфредом Шнитке» — явление выдающееся прежде всего потому, что показывает внутренний мир художника настолько приближенным к реальности, насколько это вообще возможно.

Позволю себе личное наблюдение. В 1989 году после первого фестиваля Шнитке в Горьком я решила попросить композитора об интервью. Расшифровывая запись беседы, я была удручена вдруг отчетливо проявившейся грубой материальностью собственных вопросов, ибо отвечал на них человек, формулирующий свои взгляды на искусство и жизнь с предельной искренностью, но пребывающий в ином измерении — там, где действительно «дышат почва и судьба». «Меня нет дома на Земле», — говорит Шнитке Ивашкину, рассуждая о том, где он хотел бы жить, но подспудно раскрывая трансцендентную суть своего творчества.

В книге собраны беседы, которые Александр Ивашкин вел с композитором с 1985 по 1992 год, отрывки из статей композитора, его «Листки из архива», приведен каталог всех его сочинений, включая те, чьи премьеры еще предстоят. Драгоценны свидетельства о Шнитке знаменитых исполнителей его произведений — Ростроповича, Кремера, Рождественского. Необъятного не объемлешь, но мне в этом блестящем списке недостает, например, имени Саулоса Сондецкиса, как, впрочем, еще больше недоставало его на последнем фестивале Шнитке в Москве. Упрек, разумеется, не Ивашкину — его-то книга соразмерна, — скорее нашему культурному «кислородному», где так любят поговорить о едином духовном пространстве и так быстро забывают тех, кто его тоже создавал и продолжает в нем жить. К слову сказать, в составе литовского камерного оркестра под управлением Сондецкиса «невыездной» Шнитке в 1977 году впервые смог выехать на Запад (безымянным клавиеснистом), ему же посвятил не одно сочинение, в том числе пьесу «Sutartines» — в память о кровавой ночи в Вильнюсе 13 января 1991 года.

Из «Бесед со Шнитке» я выписала несколько тезисов (а делать это можно бесконечно): рисуя образ нашего великого современника, они могут быть поучительны для любого, кто еще не расстался с мыслью о самосовершенствовании.

Иррациональное. «Это не то, что вне разума, а то, что разумом не расшифровано». Талант управлять своим талантом. «Коне-

чно, самого себя не обгонишь, природные способности ставят непреодолимую преграду. Но как много значит догнать самого себя!»

Грести выше. «Чтобы попасть к причалу, надо грести выше, потому что все равно отнесет. Только стремясь выше, можно попасть туда, куда нужно».

О пользе тревоги. «Очень часто плохое наступает именно тогда, когда все хорошо. Успокаиваясь, ты как бы лишаешься нужной тебе тревоги. А надо продолжать ее чувствовать».

Опасность нового. «Для меня вся жизнь есть непрерывное взаимодействие рационального, божественно предопределенного — и непрерывного потока иррационального, как бы еще «не проросшего», совершенно нового. А ко всему новому приковано особое внимание Дьявола... Дьявол бросается на то, что им еще не испытано».

Природа творчества. «Произведение как бы извечно существует, творец не создает его, а расшифровывает, улавливает. Поэтому так бесспорно и так знакомо каждое выдающееся произведение: мы его уже знаем».

Самая большая загадка. «Каждый человек имеет всю жизнь дело с самой большой загадкой — самим собой. И всю жизнь пытается эту загадку разгадать».

Что же касается загадки Альфреда Шнитке, кажется, ближе всех подошел к ее разгадке дирижер Геннадий Рождественский, сыгравший (по подсчетам самого композитора) 35 его сочинений: «Альфред такой же, как Шостакович, летописец времени, перевернувший следующую страницу России в музыкальном искусстве».

Одновременно с «Беседами» издательство «Культура» преподнесло читающей публике еще один подарок, книгу «Артист» — о человеке, которого уже нет на земле, увы, не в переносном смысле слова. У гениального актера Евгения Евстигнеева не оказалось своего летописца. О нем говорят коллеги — красиво и проникновенно, но все вместе несколько однообразно. Исключения (в первую очередь Галина Волчек) общее впечатление лишь подтверждают. Но есть одно обстоятельство, что делает эту книгу событием и без которого она вряд ли бы состоялась. Обстоятельство это — любовь, блеснувшая «улыбкою прощальной» в жизни Евгения Александровича в облике его молодой жены, актрисы Ирины Цывиной. Она не только скрасила последние минуты мужа, но и силой всепонимающей любви проникла в тайну его смерти: «Он вошел в нее как в очередную роль». Воспоминаниями Ирины Цывиной (отрывки из них были опубликованы в «МН» в 1992 году) начинается и заканчивается эта книга, составленная стараниями ее самой и Владлена Давыдова.

Остается добавить, что, оправдывая свое название, РИК «Культура» готовит в течение 1995 — 1996 годов шеститомное собрание сочинений Сергея Аверинцева и проводит подписку на шеститомник Редьярда Киплинга.

Ольга МАРТЫНЕНКО